

Татьяна Михаль

ДАНТЕ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
М69

Михаль Т.

М69 Данте / Т. Михаль — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 344 с. — (Криминальная любовь).

ISBN 978-5-517-09812-2

Сначала он был священником, но отвернулся от веры, когда убили его сестру.

Он отомстил и сел в тюрьму.

Он познал все круги Ада и проклял свою душу, пока однажды один человек не помог ему начать всё заново. На свободе.

Но разве можно счастливо жить без половинки души?

Однако в его судьбе появляется луч света — Ангелина. Ангел с дерзким характером. И его жизнь вновь обретает смысл.

Ради неё он готов прогуляться в Ад или сгореть в небесах.

Его зовут Данте и это его история.

* * *

Она учится на последнем курсе. Работает по вечерам в боулинг клубе, откладывает деньги, чтобы платить по счетам. Вся жизнь расписана на много лет вперёд. Однажды все планы рушатся, когда в её судьбе появляется прекрасный, словно ангел и греховный, будто сам дьявол мужчина со странным именем Данте.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09812-2

© Татьяна Михаль, текст, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1

Данте

В реальной жизни всегда побеждает зло.

В этой истине я лично убедился.

А раз так, значит, я должен стать ещё большим злом, чтобы все прогнившие, погрязшие в грехах твари знали своё место.

Хрустнул пальцами, затем шеей и нанёс уроду новый удар. Мой кулак рассёк ему другую бровь.

Следующий удар, и я ломаю ему челюсть.

Избиение продолжается почти час.

Мудак корчится на холодном, окровавленном полу, запах его крови щекочет мои ноздри. Он уже сдался. Он молил о пощаде. Он просил прощения.

Но мне всё мало.

Гнев разъедает нутро. Ярость требует всё больше страданий и крови.

Хватаю его за волосы и заставляю смотреть в своё лицо.

— Так что ты там говорил о моей покойной сестре?

— П... хро... ссти... — хрипит он, едва проговаривая слова. Из-за сломанной челюсти ему трудно говорить.

Разжимаю кулак, и его голова с глухим стуком падает на железобетонный пол.

— Прости? — усмехаюсь я горько. — Ты своё «прости» в жопу себе запихай.

— Данте, может, хватит? — обеспокоенно спрашивает моя шестёрка. — Он извинился. Много раз. И уже ответил за свои слова. Ты же почти убил его...

Я заморожено смотрю на тело у своих ног.

Краем глаза замечаю, как Тихарь отталкивается от стены и медленно приближается ко мне.

Он останавливается на безопасном расстоянии от меня и произносит тихо:

— Данте. Хватит. Пощади его. Пожалуйста.

«Хватит».

«Пощади».

«Пожалуйста».

Три слова в мёртвой тишине тёмного переулка.

Три слова, которые с мольбой произносили убийцы моей сестры.

Они молили простить их. Молили не убивать.

Наложили от боли и страха в штаны и рыдали, рыдали, рыдали.

Диана. Моя сестрёнка Диана. Она тоже молила остановиться. Молила своих насильников прекратить.

Ублюдков её мольбы лишь распыляли. И они принимались с ещё большим рвением терзать её тело и калечить хрупкую душу.

Смотрю на тело у своих ног и не испытываю сострадания.

Насильники и садисты никогда не испытывают сострадания к своим жертвам. С хера ли я должен сострадать им и испытывать жалость?

Достаю из кармана тюремных брюк идеальную заточку и показываю её мудаку у моих ног, что осмелился открыть

свое хайло и осквернить погаными словами память моей святой сестры.

Он дрожит и поскуливает от абсолютного страха. Потрясение и агония в его глазах безошибочны. Всегда были безошибочны.

Страх в глазах моих врагов не вызывает у меня ни радости, ни злости, ни отчаяния. Ничего. Я давно перестал чувствовать что либо, кроме глухой ненависти и ярости ко всему сущему.

— Услышу ещё хоть раз любое слово о своей сестре, или просто подумаешь о ней, тогда я отрежу тебе язык. Вот этой заточкой. Затем оторву яйца и затолкаю их в твою поганую пасть, — я говорю спокойно, негромко, как если бы говорил в храме с людьми, спросившими у меня совета.

Взгляд уроды полон ужаса. Он отчаянно кивает. Он всё, что угодно, сейчас сделает или скажет, лишь бы я оставил его в покое.

— Тихарь, его здесь называют Волком, верно?

Шестёрка кивает и произносит:

— Да. Его фамилия Волков.

Опускаюсь на корточки, глажу Волкова по ушибленной и залитой кровью голове и договариваю:

— Запоминай, Волк, я здесь заперт надолго. У меня пожизненный срок. И мне нечего терять. Абсолютно нечего. Мне глубоко срать, добавят мне ещё один пожизненный срок, или два, да хоть десять. Поэтому благодари Тихаря, что он остановил меня, иначе я бы тебя добил. Проболтаешься кому-то обо мне — обеспечу твою печень ударом пера.

В нос ударяет запах мочи. Туши, по ошибке именуемые людьми, всегда превращаются в отвратительные куски дерьма, когда смерть буквально дышит им в затылок.

Они боятся умереть. И цепляются за свою жалкую, ничтожную и бессмысленную жизнь.

— А что ему сказать, Данте? — вылутился на меня Тихарь. — Он же не просто избит, ты же искалечил его. Обе ноги сломаны, все пальцы на руках вывернуты назад. Обе руки — открытый перелом. И рожа, как в фильмах ужаса.

— Волчонок, скажешь, что оступился и неудачно упал, — пожимаю плечами. — А если честно, мне всё равно, что скажешь. Просто помни, назовёшь моё имя — ты труп.

Убираю заточку обратно в карман, вытираю руки о протянутую Тихарем влажную тряпку.

Пальцами зачёсываю волосы назад и ухожу в свою камеру.

Менты и слова не скажут, если Волков не откроет свою пасть. А он не откроет. Ему выходить через три года. Будет молчать.

— Данте... — тихо зовёт меня Тихарь, когда мы проходим по коридору с облезлой краской и тускло мерцающим и гудящим в старых светильниках светом. — Ты здесь всего год... Но уже превращается в монстра...

Резко останавливаюсь и смотрю в блеклые глаза Тихаря.

Тощий, угловатый, вечно трясущийся от страха. Стриженный налысо. Нет двух передних зубов. Он похож на загнанного мелкого зверька, коим и был, пока я однажды не заступился за него. Теперь Тихарь — мой.

Нет, он не опущенный. Просто шестёрка, как говорят на зоне.

Сел за вооружённый грабёж. Дали пятнадцать лет. Восемь уже отсидел.

Мне не нужен был слуга. Мне никто не был нужен. Но здесь иной мир, иные правила. Раз он не мой, значит, нехер было заступаться.

Именно Тихарь ввёл меня в курс дела. Рассказал обо всех зеках. Кто, за что и как надолго сидит. Рассказал, что меня не трогали и не трогают, так как наряду с ворами, в почёте в тюрьме и кровная месть.

Рассказал, что ко мне присматривались и ждали. Дал совет, если не хочу, чтобы ко мне совались с дебильными вопросами и провокациями, я должен делиться передачами.

И я делился тем, что матушка передавала.

Но всё же мне пришлось отстаивать собственные позиции. На зоне не переваривают слабых духом и трусливых. На любые оскорбления я отвечал и отвечаю силой.

Возможно, я хочу, чтобы меня здесь убили...

— Превращаюсь в монстра? — переспрашиваю его.

Тихарь отступает, ёжась от моего тяжёлого взгляда.

— Ладно, извини... Давай замнём? Я сказал, не подумав... — проговорил он виновато.

— А я и есть монстр, — произношу в ответ и усмехаюсь.

Жестокий. Отвратительный в своих совершённых поступках. Бессердечный. Беспощадный.

Чем я лучше убийц своей сестры?

Такой же убийца.

Раньше я был другим.

Кажется сейчас, что тогда был не я. Совершенно другой человек. Другая душа, другие мысли, желания и мечты.

В той жизни у меня был свет — Диана. Улыбчивая, сияющая своей непорочностью, наивностью и любовью ко всему миру.

Она любила саму мысль о жизни.

Она была моей половинкой. Частью моей души, моим истинным светом.

И этот свет отобрали. Втоптали в грязь, осквернили и предали страшным мукам.

«Скорби и искушения полезны человеку», и Господь посылает их нам, «Чтобы научить нас, что желающему спастись невозможно прожить жизнь без скорбей и искушений» (*Деяния 14:22*).

Видимо, я оказался слишком слаб, чтобы нести бремя прислужника Господа. Я не смог выдержать эти тяжкие испытания. Не смог простить. Не смог терпеть.

При жизни убийц моей сестры не настиг человеческий закон и суд. И я не смог вынести слёз и седины матушки и отца, что постарели за день сразу на тысячу лет.

Девять лет прошло, как я потерял сестру-близнеца, но мне кажется, будто моё сердце тогда остановилось и больше не забьётся. Душа до сих пор громко плачет.

Я не считаю себя сильно умным. Но и дураком не являюсь. Я знаю, что очень грешен. И знаю, что до меня обязательно дойдёт Высший закон, когда закончится мой путь.

Поверь, когда в нас подлых мыслей нет,

Нам ничего не следует бояться.

Зло ближнему — вот где источник бед,

Оно и сбросит в пропасть, может случиться¹.

Вернувшись в камеру, замечаю, что сокамерники умолкли и замерли.

— Данте, а не подохерел ли ты? — рычит один из них.

Поднимаю одну бровь и спокойно спрашиваю:

— Какие-то проблемы?

— Это ты создаёшь проблемы, — цедит зек.

— Я их решаю, — отвечаю резко. — Если ты решил стать проблемой, то я быстро решу этот вопрос.

— Ты в уши мне говно не лей. Пацаны видели, как ты отметелил Волка! Менты всех нас отправят по карцерам, но сначала из каждого сделают такую же отбивную! И запрут

¹ Данте Алигьери «Божественная комедия» Ад, Песнь вторая (Прим. Автора).